

КАК МОЖНО ГОВОРИТЬ О ЛОГИКАХ МЫШЛЕНИЯ РАЗНЫХ КУЛЬТУР?

(Послесловие к статье Го Сяоли)

Хотелось бы выразить надежду, что публикация данной статьи вызовет отклики и обсуждение, в котором примут участие и философы, и синологи. Очень важно, что вопрос о различии логик мышления в разных культурах поднят в данном случае представителем китайской культуры, которая не боится говорить о культурной обусловленности мышления.

Эта проблема поставлена, с одной стороны, на фундаментальном теоретическом уровне. Автор дает свое видение того, как в наиболее общей и абстрактной форме можно выразить различие между двумя типами мышления, обсуждаемыми в статье. Что-то, возможно, нуждается в уточнении; что-то, безусловно, послужит почвой для дискуссии.

С другой стороны, в статье показано, пусть и не столь подробно, что эти базовые различия имеют непосредственный выход и в современную политическую практику и находят отражение в стратегии построения современного Китая. Успехи политики, основы которой заложены Дэн Сяопином, обеспечены не неким волшебным выбором «удачной линии», когда бы «китайский вариант» надо было взять за образец и, превратив в универсальный пример для подражания, воплотить в других странах. Ее успех обеспечен тем, что эта политика учитывает базисные законы, определяющие логику мышления китайской культуры. Она, иначе говоря, в той же мере обусловлена логикой мышления китайской культуры, в какой успех западного капитализма обеспечен логикой мышления западной культуры. В логике мышления китайской культуры, как показывает автор, выбор между капитализмом и социализмом *не должен* формулироваться как строго альтернативный. Альтернативность или неальтернативность данного (и других подобного рода) выбора обеспечена вовсе не природой самих объектов, а тем, какой логике мышления следует культура. Эта тема, как и сама возможность подобной постановки вопроса, может послужить, как мне представляется, еще одной площадкой плодотворного обсуждения.

Некоторые рассуждения автора статьи представляется возможным уточнить. Делая это, необходимо помнить следующее. *Если* автор статьи права и *если* культуры различаются логиками мышления, то вполне резонно предположить, что данная статья, написанная представителем китайской культуры, отражает и характерную для нее логику мышления. Любое наше уточнение, следовательно, должно принимать во внимание этот непреложный факт *двойной перспективы*: возможность сформулировать ответ на один и тот же вопрос *двумя* разными способами, опирающимися на различные, более того, несовместимые основания. Эти две перспективы, будучи в строгом смысле параллельны, могут коммуницировать, но не могут пересекаться как таковые. Пересечение логико-культурных границ – акт, осуществляемый исследователем, который в таком случае должен ясно отдавать себе отчет, что можно и чего не стоит брать с собой в такое трансграничное путешествие. Пусть эти границы не сторожат таможенники, они

от этого не становятся менее строгими: применимость представляющихся универсальными логических ходов может оказаться на самом деле ограниченной рамками культуры.

Соображения, которые я хочу высказать, отчасти пересекают, а отчасти и не пересекают логико-культурные границы. Начну с комментария второго типа; но поскольку мне надо будет занимать то одну, то другую точку зрения, то придется и пересекать транскультурные границы, а значит, высказывать положения первого типа, которые делают такое пересечение и одновременный взгляд на обе перспективы возможными.

Автор утверждает, что тернарность позволяет совместить противоположности, образовать из них нечто общее, тогда как бинарность этого не позволяет. Но давайте зададим вопрос: а что значит «совместить противоположности», что значит «образовать из противоположностей целое»? Ответ находим в предложенных автором формулах. Когда она записывает « $A+B=2$ » (или « $A+B=A+B$ » – еще более наглядный вариант, предложенный Го Сяоли в нашей переписке), то тем самым говорит, что бинарные противоположности не образуют целое: «А» и «В» остаются двойцей, т. е. самими собой, и не могут слиться или как-то еще образовать нечто третье. А в случае китайского мышления, логика которого выражена формулами « $A+B=3$ » (вариант – « $A+B=C$ », также предложенный в нашей переписке), такое третье образуется: противоположности здесь могут быть устроены гармонично в рамках некоего целого, причем такое целое и является третьим (цифра «3» в первой формуле и буква «С» во второй).

Зададим теперь вопрос: в какой логико-культурной перспективе выполнены эти рассуждения? Формулы и их объяснение, если я правильно уловил мысль автора, выполнены с позиций логики китайского мышления, т. е. с позиций тернарности. В этом нет ничего неестественного: если автор права и если для китайской культуры характерно именно такое устройство мышления, нет ничего удивительного в том, что оно проявляется и в ее построениях. (Одно из ярких проявлений тернарности, как мне кажется, – вопрос о том, можно ли совместить бинарность и тернарность. Автор берет бинарное и тернарное мышление как противоположности, как «А» и «В», и совмещает их в некое общее «С» по формуле « $A+B=C$ », когда пишет, что можно часть дня мыслить бинарно, а часть дня – тернарно. А вот если считать эти два типа мышления бинарными противоположностями, т. е. если расценивать их с точки зрения бинарного мышления, то придется применить формулу « $A+B=A+B$ » и сказать, что эти два мышления несовместимы и надо выбирать одно из них. Вот такие интересные метаморфозы происходят при смене точки зрения, при смене исходной позиции и типа мышления: ведь мы можем рассматривать вещи либо с позиций одного, либо с позиций другого. – А с другой стороны, может быть, это последнее утверждение выполнено с точки зрения бинарного мышления, для которого видна несовместимость типов мышления, тогда как для тернарного мышления эта несовместимость снимается?)

Сила статьи Го Сяоли и ее позиции в том, что она способна осознать *другое* основание мышления, логику другой культуры, которую и называет бинарным мышлением. Оказывается, что тернарное мышление – не единственно возможное, точно так же, как бинарное мышление – не единственно возможное. Это – два разных типа, два разных устройства мышления. Подавляющее большинство людей, едва ли не все, остаются в рамках присущей их культуре организации мышления. Поскольку эти мышления разные, очень трудно пол-

ностью объяснить русским, что такое тернарное мышление (потому что они будут интерпретировать объяснение с точки зрения своего, бинарного мышления), а китайцам – что такое бинарное мышление (они ведь будут его переделывать на свой лад, в соответствии с тернарным мышлением, – что естественно и неизбежно). Об этой трудности также упоминает автор статьи, тем самым указывая на логико-культурные границы и трудности их пересечения.

Зададим, наконец, следующий вопрос. Действительно ли западное (русское) бинарное мышление не образует целое из противоположностей, если рассматривать эту проблему с точки зрения самого бинарного мышления, а не с точки зрения тернарного мышления?

Это – очень важный вопрос, и сам по себе, и методологически, поскольку он предполагает, что мы можем получить *разные результаты*, разные ответы на один и тот же вопрос, когда рассматриваем его в рамках разных принципов логической организации мышления, в данном случае (в терминах автора статьи) – бинарной и тернарной. Та невозможность соединиться в целое, которую автор видит в бинарном мышлении, может оказаться таковой лишь постольку, поскольку сама она, делая этот вывод, находится в пределах предпосылок тернарного мышления.

В самом деле, возьмем традиционную (аристотелевскую) логику. Она фиксирует логический принцип западного теоретического мышления с момента его зарождения у греков и до сегодняшнего дня; в этом смысле ее значение совершенно не поколеблено многообразными системами математических логик.

То, что автор называет бинарностью, более точно на языке греческой логики именуется дихотомией (т. е. расщеплением надвое некоего целого). Я говорю «более точно», потому что в этом термине уловлено именно то, о чем у нас идет речь: две половинки, прикладываемые одна к другой (как то совершенно точно иллюстрирует схема 1 в статье Го Сяоли), – это половинки целого. Принцип дихотомического деления образует стержень аристотелевской логики и, шире, правильной организации мышления, в том числе понятийного. Это, иначе говоря, принцип образования правильных понятий, способных участвовать в правильных логических умозаключениях.

Вот в каком смысле бинарные (как выражается автор статьи) противоположности дают целое: в том смысле, что, если они *дихотомичны* (это принципиально), то вместе они составляют общий класс, причем исчерпывают его. Например, «не-разумные» и «разумные» вместе составляют класс «животных», причем нет никаких «животных», которые не были бы непременно либо «разумными», либо «не-разумными» и которые вместе с тем были бы одновременно и «разумными» и «не-разумными».

Итак, третье, общее для двух противопоставленных элементов, образуется непременно и в случае бинарного (в терминах автора) противопоставления, не только тернарного. Но все дело в том, что *механизм* образования этого целого в двух случаях разный. Целое бинарного мышления – совсем иное, нежели целое тернарного мышления. (Поскольку закономерности образования целого различаются, то с точки зрения друг друга они не являются таковыми, т. е. не являются закономерностями образования целого: бинарное мышление не признает за целое то, что тернарное мышление считает целым, а для тернарного мышления не будет целым то, что служит целым для бинарного мышления.)

Означает ли сказанное, что автор неправ в своем анализе бинарного мышления и во всем, что говорит о Достоевском и его героях? Нет! Думаю, что Го Сяоли права; но необходимо ввести одно дополнение.

Дело в том, что дихотомические (буду говорить теперь «дихотомические» вместо «бинарные») противоположности не могут совмещаться в одной вещи. Го Сяоли это прекрасно почувствовала и описала очень живо и ярко на примере героев Достоевского. Надо сказать, что эти примеры (т. е. литературные герои) – очень трудный «материал» для логического анализа, но она прекрасно с этой задачей справилась, показав, что дихотомическое понимание противоположностей характерно для выстраивания характера героев Достоевского. Это не значит, что Достоевский сознательно следовал логике Аристотеля и ее требованиям дихотомического деления. Конечно, нет; это значит, что мышление писателя, творившего в русской культуре, не могло не подчиняться, пусть неосознанно, этим закономерностям формирования смысла.

Эту невозможность совмещения дихотомических противоположностей и называют законом исключенного третьего в его негативной (запрещающей) редакции: «А» не может быть «В» и «не-В» одновременно. Человек не может быть ангелом и дьяволом одновременно, либо топор, либо любовь – все эти вещи, о которых Го Сяоли так хорошо пишет, служат литературным выражением данного логического принципа.

Графически этот закон исключенного третьего нашел бы такое отображение на схеме 1, иллюстрирующей бинарность: белая половина – это «В», черная – «не-В», «А» – любая точка, либо белая, либо черная; окружность, т. е. линия (только линия без внутреннего содержания), охватывающая «В» и «не-В» – это некое «С», на данной иллюстрации отсутствующее, но совершенно необходимое. Точка символизирует единичную вещь, «В» и «не-В» – дихотомические качества, а окружность «С» – общий класс вещей, обладающих *альтернативно* этими дихотомическими качествами. Например: точка – единичный человек, окружность «С» – это все люди, белый полукруг «В» – это ангельское качество, черный полукруг «не-В» – дьявольское: любая точка внутри окружности «С» (т. е. любой единичный человек) попадает либо в белый, либо в черный полукруг, не может попасть в оба одновременно и вместе с тем не может не попасть в один из них. Это и значит, что любой человек непременно либо ангел, либо дьявол: вот та расколотость, о которой говорит Го Сяоли.

Как видим, добавление третьего элемента, т. е. «С», общего для двух противоположностей «В» и «не-В», совершенно не меняет сути анализа автора статьи, но делает его совместимым с принципами логики – в данном случае, аристотелевской.

Но человек, конечно, слишком сложное и, главное, *противоречивое* существо, чтобы полностью подчиняться законам аристотелевской логики. Я имею в виду вот что. Го Сяоли говорит, что, помимо «черных» и «белых» персонажей, у Достоевского есть и такие, в которых добро и зло, черное и белое присутствуют одновременно. Это и есть как будто нарушение аристотелевского закона исключенного третьего: противоположности присутствуют вместе. Конечно, строго говоря, здесь нет нарушения, т. к. законы аристотелевской логики соблюдаются, когда мы говорим об одной и той же вещи в одном и том же отношении, а это, безусловно, не так, если мы берем персонажей Достоевского: свои добрые и злые качества они являют в разных ситуациях и в отношении разных людей. Но важно не это, важно другое. Давайте зададимся вопросом: почему «добро и зло пополам» *не есть тернарность*? Ведь автор статьи говорит, что тернарность позволяет совместить противоположности; хорошо, вот вам противоположности в одном и том же человеке: добро и зло в равной доле. Почему это не тернарность, чего здесь не хватает для тернарности?

Если мы ответим на этот вопрос, то ближе подойдем к тому, чтобы понять логическую суть организации мышления китайской культуры, которую Го Сяоли называет тернарностью. Ведь «добро и зло пополам» и означает, что в человеке есть и то и другое; но, вероятно, в героях Достоевского нет чего-то еще, что необходимо для тернарности. Они *либо* добрые, *либо* злые в *одной и той же ситуации* (т. е. бинарность сохраняется в базовом смысле); а тернарный человек может быть и добрым, и злым в одной и той же ситуации, причем это не будет противоречием? Конечно, это лишь мое предположение, не претендующее ни на какую окончательность.

Основной вывод, который, как мне кажется, допустимо сделать из сказанного автором: китайское мышление отличается тем, что для него логически верным оказывается такое совмещение противоположностей в одной вещи, когда они гармонически центрируются (усредняются) чем-то третьим. Но тогда противоположности *не могут быть дихотомическими*. Только потому, что само противоположение устроено иначе, нежели в случае западного мышления и Аристотелевой логики, китайское тернарное мышление может совмещать противоположности в одной вещи без противоречия.

Таков приводимый автором пример с временами года: зима и лето не являются дихотомичными сезонами (мы не можем сказать, что любой день в году – либо летний, либо зимний), и для них Го Сяоли указывает сразу два гармонизирующих их элемента: весну и осень. Заметим, что весна и осень – вещи того же порядка, что зима и лето: это также сезоны года. Значит, третье, что обобщает противоположности в тернарном мышлении, *рядоположено* самим противоположностям (т. е. стоит в том же ряду, что и они, а не выше их). В этом его отличие от мышления, подчиняющегося аристотелевской логике: для него обобщающее *не* рядоположено, а стоит *выше* обобщаемого и является не такой же вещью, как обобщаемые противоположности, а только *понятием*. Например, «люди» – понятие, а не вещь, тогда как «мужчины» и «не-мужчины» – это конкретные люди, т. е. конкретные единичные сущности.

Возможность корректно говорить о логиках мышления разных культур и создание методологии, позволяющей осознать как наличие логико-культурных границ, так и возможность их пересечения, представляется мне увлекательной и вызывающей задачей. Хотелось бы думать, что статья Го Сяоли даст новый импульс поискам ее решения.